

ГОСУДАРСТВА, КОРПОРАЦИИ И НЕОЛИБЕРАЛИЗМ

Е.Г. Пономарева

Прежде всего я хочу поздравить коллег с юбилеем — десятилетием кафедры политической теории, искренне пожелать творческих успехов и инновационных научных достижений.

Фундаментальные изменения, происходящие в мировой политике с конца XX в., непосредственным образом связаны с радикальной трансформацией самого, по моему мнению, значимого и функционального политического института — государства. Статья профессора Н.А. Косолапова интересен и знаменателен именно тем, что, с одной стороны, акцентирует внимание на новых формах государства как исторически динамичной сущности в чрезвычайно динамичных условиях глобализации, с другой — ставит перед научным сообществом проблему новой феноменологии. Хотя, как отмечает Н.А. Косолапов, «определение запаздывает», феноменологическая стратегия текста очевидна и состоит в том, чтобы отказаться от редуционизма, от сведения сложного к простому, целого к сумме частей и описать государство (в самом широком смысле) таким, каким оно проявляет себя в современном мире, а именно как феномен.

Конечно, на этом пути предстоит преодолеть предрассудки и предвзятые мнения, освободиться от привычных и так называемых «классических» научных установок, отстраниться от методологических шаблонов и клише и обратиться к изначальному, первичному опыту сознания, в котором явления предстают не как продукты уже существующих теорий, имеющих точки зрения, не как нечто, на что мы смотрим глазами других, но как нечто, раскрывающееся перед нами

в *нашем* первичном опыте. Это чрезвычайно сложная задача. Я бы даже сказала — революционная. Ведь известно, что начетничество, тень признанных авторитетов — куда более комфортная среда, но если мы хотим понять явление, то именно феноменология поможет четко различить, что принадлежит нашему сознанию, а что — предмету. Лишь описание предмета, явления — в самом широком смысле — может нам дать *само* явление. Поэтому я всегда искренне рада тому, когда в научном сообществе появляется очередное исследование феноменальных форм современного государства. В данном случае речь идет о государстве как корпорации и о корпорации как государстве.

В продолжение высказанных автором идей о «формировании глобальной элиты, действующей на опережение», о «раздвоении» суверенитета на суверенитет народа и суверенитет государства», о государстве «как объективной антиглобалистской силе» и о том, что «корпорации, а не государство вызвали процессы глобализации», хочу подчеркнуть, что появление новых форм государства (регион-государство, рынок-государство, корпорация-государство и др.) обусловлено неолиберальной глобализацией, суть которой заключается в создании глобальных рынков капитала.

В частности, Дэвид Харви, автор «Краткой истории неолиберализма», подчеркивает, что неолиберальный глобальный поворот связан прежде всего не с развитием производства, а с перераспределением продукта, факторов и результатов производства, с изменением соотношения классовых сил как в мировой системе в целом, так и в отдельных

государствах в пользу «верхов» и в ущерб нижним и средним слоям. По его мнению, неолиберальное государство прежде всего поддерживает целостность финансовой системы и платежеспособность финансовых институтов, а не благополучие населения или состояние окружающей среды. Д. Харви говорит о такой реорганизации капитализма в глобальном масштабе, которая нацелена на восстановление власти носителей капитала. Будучи не очень эффективной для рождения капитала в глобальном масштабе, глобализация/неолиберализация оказалась весьма эффективной в перераспределении экономического продукта, активов, т.е. капитала, в пользу восстановления власти старой, а в некоторых случаях (бывшие республики СССР — РФ и СФРЮ, страны Восточной Европы) создания новой классовой верхушки. Средства перераспределения просты — уничтожение системы социального обеспечения, а следовательно, подрыв профсоюзов, наступление на рабочий и старый средний класс, по сути — наступление государства на гражданское общество.

Извлечение дохода с помощью финансовых механизмов — старый прием, но он оказался чрезвычайно востребованным в условиях неолиберальной «перезагрузки» экономической и политической систем. В частности, когда предприниматели развивающихся стран берут займы из-за рубежа, то требование к их стране иметь достаточный объем валютных запасов, чтобы при необходимости покрыть эти долги, означает, что эти страны должны инвестировать, например, в американские государственные облигации. Как пишет Д. Харви, «разница между ставкой по кредитам (12%) и проценту, получаемому от размещения средств в облигациях (4%), обеспечивает серьезный приток наличных средств в страну-кредитор из развивающейся страны». В результате реализации неолиберальной модели развития, страны-

заемщики оказываются связанными жесткими мерами, ведущими к хронической стагнации экономики, и возможность выплаты займов откладывается на неопределенно долгий срок, превращая страну в пожизненного должника. Как справедливо отмечает Н.П. Косолапов, «грабеж отошел к корпорациям».

Кроме того, неолиберализм приводит к тому, что политическое и гражданское в государстве начинает противостоять друг другу. Происходит серьезное изменение конфигурации институтов государства, набора его инструментов и традиционных функций, особенно в отношениях между властью капитала и общественными движениями; между властью государства и институтами представительной демократии. Поскольку главной целью неолиберального государства является создание благоприятного делового климата и обеспечение конкурентоспособности в мировой политике, оно, подчеркивает Д. Харви, должно действовать как *коллективная корпорация*.

Среди работ отечественных исследователей внимания заслуживает концепция *корпорации-государства* (КГ), которую активно разрабатывает Андрей Фурсов. Согласно его трактовке, будучи конкретной формой глобально-рыночной государственности, корпорация-государство выражает интересы молодой и хищной фракции мирового капиталистического класса — *корпоратократии*. А.И. Фурсов определяет КГ как «такой административно-экономический комплекс, который, будучи хотя бы формально госаппаратом, играет самостоятельную и определяющую роль в данной стране, который в то же время ставит политико-экономические национальные интересы этой страны в зависимость от экономических аппаратно-ведомственных (корпоративных), или, по крайней мере, рассматривает первые сквозь призму вторых; который приватизировал в своих интересах характерные для государства как для института функ-

ции (приватизация власти-насилия) и в то же время отказался от выполнения большей части характерных для государства социальных обязательств функций или резко сократил их». При этом КГ, его интересы ориентированы на глобальную систему, на глобальный, а не на национальный уровень. Высказанная в статье Н.А. Косолапова идея о том, что «корпорация представляет собой объединение не только экономическое, но объединение на базе любых интересов, затрагивающих все сферы деятельности государства», дополняет приведенную выше формулировку. Очевидно, что цели КГ носят экономический характер, а его главные задачи — это конкурентоспособность на глобальном уровне и минимизация социальных и политических издержек на национальном уровне, но реализовать их корпорации не могут без вмешательства в социальные функции государства. Поэтому я солидаризируюсь с мнением Н.А. Косолапова о том, что «расширение корпораций чревато серьезными катаклизмами для государства».

Линейных выходов (я сознательно опускаю здесь рассуждения о нелинейных процессах, о непредсказуемости развития) из сложившейся ситуации действительно два: либо надо ломать государство, либо глобализация захлебнется. События уходящего года убедительно доказали, что ломка государства совсем не в интересах корпораций. Во-первых, именно у государства оказался необходимый запас прочности (нормативный, экономический, финансовый, пропагандистский, репрессивный). Состояние мирового кризиса продемонстрировало очевидную потребность в государстве: именно на него были переложены все издержки наиболее важных финансово-промышленных, корпоративных групп. Во-вторых, государство выступает внешним «панцирем» для КГ, является его оболочкой. Поскольку КГ существует внутри государства, форми-

руя единую целостность, их противоречия становятся внутренним противоречием этой целостности. Противоречие это воспроизводится и на мировом уровне — как противоречие между глобальной иерархией КГ и международной системой государств (показательно, что институты именно этой системы приходят в упадок).

В связи с последним замечанием особо следует подчеркнуть, что только относительно сильное государство способно улучшить свое положение в мировой системе. Именно этой проблеме посвящена одна из самых известных работ Фрэнсиса Фукуямы «Сильное государство. Управление и мировой порядок в XXI веке». По мнению этого философа и футуролога, «построение сильного государства — одна из наиболее важных проблем мирового сообщества, так как слабость и разрушение государств служат источником многих наиболее серьезных мировых проблем». Иными словами, в условиях глобализации государство продолжает оставаться единственным действительно функциональным институтом, способным адекватно реагировать на новые вызовы. Но как справедливо подчеркнул докладчик, «сила государства определяется не внутренними ресурсами, но способностью установить внешние связи», что приводит к усилению роли неформальных отношений. Например, в рамках «Большой восьмерки» и некоторых других наднациональных институтов, которые олицетворяют «круг избранных», а именно сильные государства. Остальные — слабые государства, составляющие подавляющее большинство стран мира, оказались под прессингом глобализации, превращаясь либо в постоянных должников «сильных», либо оказываясь под их политическим либо военным прессингом. По этому поводу Зигмунт Бауман в работе «Глобализация. Последствия для человека и общества» заметил, что «в «кабаре глобализации» государство начинает

заниматься стриптизом, и в конце представления на нем остается только то, что является крайней необходимостью — репрессивная мощь...». Иными словами, в результате такого «стриптиза» слабые государства «легко могут быть сведены к (полезной) роли местного полицейского участка».

В заключение я хочу подчеркнуть, что научные площадки, подобные журналу «Сравнительная политика», по-

зволяют проникнуть в «черный ящик» политики, выявить феноменальность современного государства и представляют не только сугубо теоретический интерес. Важнейшее значение такого рода встреч в их прикладной составляющей, а именно в поиске «выходов» из лабиринта кризисов развития для современной России, в выработке моделей развития, соответствующих истории, потенциалу и предназначению нашей страны.